

лам кругом шли дарственные надписи: в покчинскую Благовещенскую церковь с такого-то завода.

Знаменита эта церковь и сейчас: живописностью своих руин, воспринимаемых едва ли не как совокупный образ нынешнего пермского севера, когда-то самодостаточного, зажиточного, теперь заблудившегося в маятниковых петлях своей памяти. Под высоким берегом, в колвинской глубине, на которую бросает надколотую тень колокольня, торопливая вода дошлифовывает надгробия уважаемых покчинцев — кладбищенские памятники из дорогого камня лабрадора сталкивали в реку бульдозером. В советское время в храме располагалась МТС, в нефе слева и справа были проходы для тракторов. Покчинские ребяташки страсть как обожали лазать по ветшающей церкви, особенно забираться внутрь купола, чтоб почувствовать себя невесомо летящими над распахнутым Колвой небесно-таёжным простором. Молния ударила в 1980 году, верх колокольни сгорел за считанные минуты, купол упал на трапезную и обвалил перекрытие. С тех пор Благовещенская и являет собой живописные руины. В июльские жары, в пору апокалипсического нашествия безжалостных слепней, внутри её полуразвалившихся стен находит спасение скотина, и вместо священника в парчовой ризе из забранного кованой решёткой окошка с умильным видом выглядывает бурёнка. Под обрывом прогуливаются с колясками молодые мамы, облизывая быстро тающее мороженое, да старуха разгребает сапёрной лопаткой грязь на склоне, выпуская на волю струйки неутомных родников. Вот, пожалуй, обобщающая картина северного бытия: бесчисленные родники, настырно буравящие малопродуктивную землю, да крошечный кирпич разрушенных колоссальных храмов, заявлявших когда-то о богатстве, немалых амбициях и убеждённости, что время всегда будет благосклонно к этой гордой земле.

Время — самый ловкий обманщик. Надежды утекли Колвой, Вишерой, Камой, а краснокирпичные колоссы остались, сами собой ветшая, рушась под атеистическими бульдозерами, а что не доделала власть времени, то довершает природа.

Было другое время, и оно сохранило по себе памятки забытого стиля, доступного только империям в пору расцвета. Сооружения исполинские, отмечающие презренную функциональность и прижимистые мыслишки. В большинстве, конечно, постройки поскромнее, для житейских нужд, но в совокупной мысли и в деталях пронизанные неотступной тягой к красоте. Всего-то 150-200 лет назад их возводила какая-то иная раса, ныне вымершая или выродившаяся в нас.

Прежде знаменитый Печорский тракт проходил сквозь Покчу ближе к Колве, там, где сейчас улица Коммунистическая. На ней и поныне стоят усадьбы местных богачей: купчихи Анастасии Сокотовой, например, или старосты Алипия Федосеева, коего покчинцы выбирали на эту трёхлетний срок должность четыре раза подряд. Шатровую неорусскую крышу его двухэтажных хором — подобную той, что на здании чердынского ремесленного училища или на Ярославском вокзале в Москве —

урезает смотровая площадка, витиевато ограждённая кованым железом. Усадьбы строились так, что на одном дворе собирались и лавка, и склад, и особняк помпезного уездного стиля. Неподалёку не менее изукрашенная лекальным кирпичом богадельня, мало что не дворец. Да и покчинские избы почти все окованы деревянным рустом, обросли резными плеоназмами наличников, а есть ещё главная архитектурная особенки: конструкции наподобие арочных, оседлавшие почти каждые четырёхстолбные ворота. А ещё Коммунистическую с «трактовых» времён украшают тротуары-пазлы ломаной геометрии из местного плитняка.

С позапрошлого века смела тягаться размахом и велелепием с чердынскими храмами покчинская церковь. Алипий Федосеев нанимал артель иконописцев, и они усердно украшали Благовещенскую. Утварь была серебряная позолоченная, а если какая-то вещь железная, то посеребрённая. Почти всё облачение для священства — парчовое. 14 колоколов общим весом 400 пудов. По колоко-